Ю. И. АЙХЕНВАЛЬД

Избранное

Литературные эскизы

Юлий Айхенвальд

Алексей Н. Толстой

«Public Domain»
1924

Айхенвальд Ю. И.

Алексей Н. Толстой / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain», 1924 — (Литературные эскизы)

ISBN 978-5-457-32385-8

«Давно уже признано, что у А. Н. Толстого зрение преобладает над умозрением. Очень талантливы глаза его. Они – какие-то цепкие приборы, неводы, в которые не попадает крупное, но от которых зато не ускользает самая мелкая и, однако, интересная добыча. То, что он заметит и отметит, никого другого не остановило бы. Он незаменим. Его наблюдательность неожиданна, его страницы – сюрпризы. Зоркий и меткий, ловец смешных человечков, с серьезным видом рисующий комику, он как будто принадлежит не столько сознанию, сколько стихии…»

ISBN 978-5-457-32385-8

© Айхенвальд Ю. И., 1924
© Public Domain, 1924

Юлий Исаевич Айхенвальд
Алексей Н. Толстой

Давно уже признано, что у А. Н. Толстого зрение преобладает над умозрением. Очень талантливы глаза его. Они – какие-то цепкие приборы, неводы, в которые не попадает крупное, но от которых зато не ускользает самая мелкая и, однако, интересная добыча. То, что он заметит и отметит, никого другого не остановило бы. Он незаменим. Его наблюдательность неожиданна, его страницы – сюрпризы. Зоркий и меткий, ловец смешных человечков, с серьезным видом рисующий комику, он как будто принадлежит не столько сознанию, сколько стихии. Вообще, он и сам относится к живому инвентарю природы. И здесь, в этой сфере, он больше чувствует себя дома, нежели в пределах высокой человечности. В темном лесу, например, Толстой разбирается не хуже совы, и так прекрасны, почти космичны вот эти слова его: «Чем темнее совам, тем лучше. Трава, деревья, звери и камни светятся в темноте синеватым и желтым светом, невидимым для нас, а совы летают в голубом, словно из серебра и свинца, лесу, шарят под светящимися камнями заснувших мышей, от шкурок которых идет мягкое сиянье, пьют птичьи яйца и, зачарованныя неведомой нам жизнью, стонут и кричат, как дети во сне».

К таинствам не звериной, а людской психологии, к ея значительной глубине, доступа он не имеет, да, кажется, иметь и не хочет. Не изнутри освещает он душу, важное на него не действует, из серьезнаго он делает забавное. Иной раз придет ему в голову, забредет случайно какая-нибудь хорошая мысль (хотя бы размышление о том, что поля сражения справедливо называют «театром», что воины, умудренные опытом смерти, переходят из будничной плоскости существования в героическую, делают смерть не исходной и конечной точкой сознания, а просто случайностью), – но, в общем, у Толстого мысли – гостьи: мимолетныя пташки, оне сейчас же вспорхнут и улетают. Нет миросозерцания, как фона, нет большой и постоянной идеи, как спутницы, как верной тени, нет Вергилия-охранителя. И то, например, что думает автор о мировой войне, о воюющих сторонах, не подымается над уровнем общедоступной элементарности. Писатель с широкой натурой, не озабоченный внутренними заботами, тароватый, дегкий для себя и для других, он уверенно переступает через трудныя места, скользит мимо трагедии, подобно тому как один из его героев похоронный марш Шопена играет галопом, и жизнь мчится у него быстро, быстро, словно в кинематографе, и около Толстого сосредоточиться нельзя. Мало считаясб с разницей между существенным и случайным, между целым и деталью, он нередко из общаго текста реальности выхватывает какую-нибудь мелочь, скорее – забавную, и обращает на нее преимущественное внимание, свое и чужое. Так, из описания поездки в Англию едва ли не запоминается больше всего Чуковский: на аван-сцену мировых событий выдвинул Толстой Чуковскаго, – вот он хлопотать о заграничном паспорте является из Финляндии в канцелярию градончальника «с одной только запиской не то от глазного врача, не то от белоостровскаго жандарма»; вот он, когда ледяная волна хлынула на мостик судна, «сорвал меховую шапку, сразу ставшую кошачьей, и попробовал засмеяться по причине недостаточно ясной»; вот он собирается на аудиенцию к английскому королю, и «как всегда», не хватает у него запонки, и надо будет ему во дворце прикрывать грудь ладонью. Недостающая запонка, это и есть то, что в разных видах и формах особенно попадает в поле зрения к нашему наблюдателю. События важностью своею не смутят его. Как военный корреспондент, Толстой будет занимать нас веселой фигурой Сусова: это – «санитар, вестовой, денщик, живое место, пульс, утеха всего эшелона»; мы узнаем, что «у Жилкина насморк»; мы увидим, что на маленькой станции по перрону расхаживает гусь, и будем осведомлены о биографии гуся, о том, как он «слушал,

должно быть, что говорят про него, ходил, удивленно подняв голову, – его стали ловить, не поймали и поехали дальше».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.